

РЕПОРТАЖ
БЕЗ
МИКРОФОНА

К ТЭ
МАХАРАДЗЕ

ГУМАНИТАРНАЯ
АКАДЕМИЯ

Коллектив авторов
Константин Иванович Махарадзе
Репортаж без
микрофона (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7623330

Репортаж без микрофона: Олма-Пресс; СПб.; 2017

ISBN 978-5-93762-126-9

Аннотация

В сборник памяти выдающегося спортивного комментатора Константина Ивановича Махарадзе (1926–2002) вошла его книга «Репортаж без микрофона» и воспоминания о нем его друзей и коллег.

Содержание

Котэ Махарадзе	5
Предисловие	8
Слуга двух господ	11
Правила игры	30
Кентавр Хаиндрава	39
«Пайчадзе галиса...»	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Котэ Махарадзе

Репортаж без микрофона

© Котэ Махарадзе, наследники, 2017

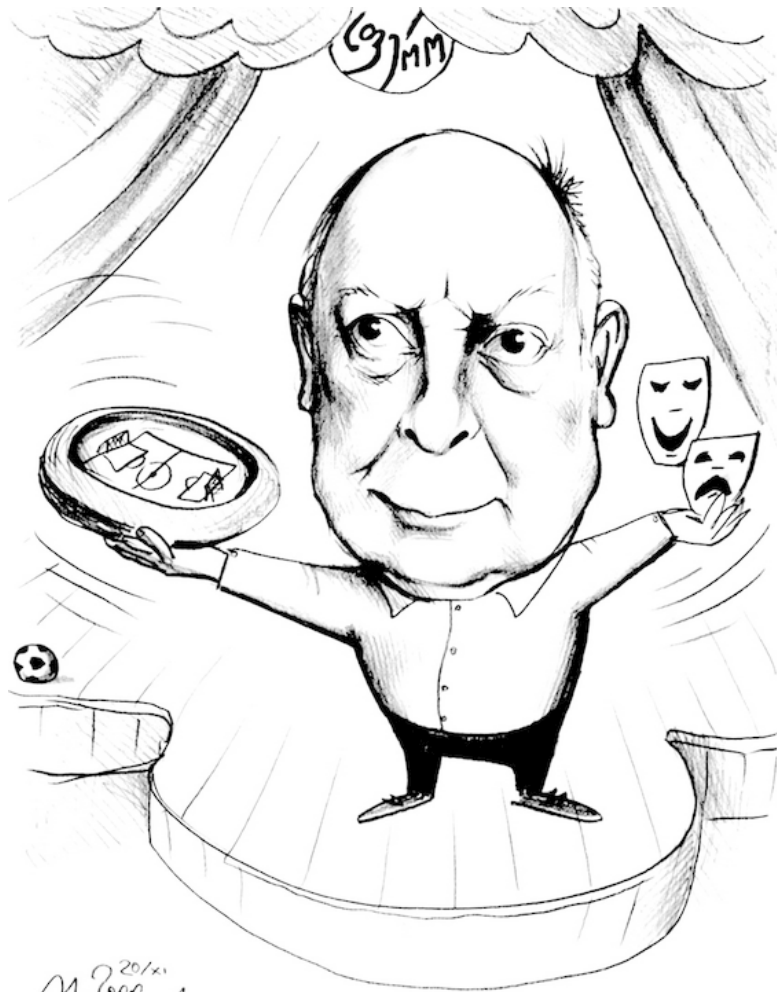
© Гигла Пирцхалава, рисунки (наследники), 2017

© Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2017

Котэ Махарадзе Репортаж без микрофона¹

*Посвящается светлой памяти неповторимого
Давида Кипиани*

¹ Очерки К. Махарадзе, вошедшие в книгу, печатаются по изд.: *Махарадзе К. Репортаж без микрофона*. М.: ОЛМА-пресс, 2001.

2014
2000
Almogus

Предисловие

Из одного и того же окна можно увидеть совершенно разные картины – кто как смотрит. Я могу поведать только о том, что видел сам, поделиться своими впечатлениями и воспоминаниями. Увидеть жизнь чужими глазами, рассказать с чужих слов неудобно, да и невозможно.

С грустью приходится констатировать, что прожито во много раз больше, чем осталось впереди. Я уже не «еду на ярмарку», а возвращаюсь «с ярмарки», хотя до жуткого дня, когда все останется где-то там, за окнами, пока, надеюсь, далеко. В самую пору оглянуться назад. Нет, не отдохнуть, а просто остановиться и оглянуться...

Нигде и никогда не вел записей, не корпел над дневниками. Всемирные конгрессы театра, Олимпийские игры, чемпионаты мира, Европы, СССР, театральные и спортивные фестивали, гастроли, встречи с интереснейшими людьми, в общем, уйма ярких впечатлений, а записей нет никаких.

Не осталось ни одного листочка записей с больших спортивных форумов, ни одной переписанной от руки роли с приписками на обратной стороне, ни странички о памятных событиях. Странно, но факт. Все время быть в самой гуще жизни и ничего не записывать. Что это? Небрежность или надежда на хорошую память? И то, и другое. А возможно, и третье – нежелание уподобляться так называемым «органи-

зованным» туристам с блокнотами в руках, дружно поворачивающим головы – «посмотрите налево... посмотрите направо...» – вместе со словами экскурсовода и фанатично, с каким-то остервенением записывающим что-то.

Так или иначе – записей нет. Я не старался уточнять и перепроверять верность фактов, надеясь, что самое важное – то, что предопределило судьбу, изменило жизнь, – не могло не сохраниться в памяти. Что не сохранилось, следовательно, не было существенным и важным, не заслуживало того. В отдельных случаях, где логика последовательности и точность аргументации требовали четкой выкладки цифр, я обращался к спортивной и театральной периодике, книгам, дабы не прослыть легковесным краснобаем. Но понадобилось такое обращение всего несколько раз.

И вот еще что. Ни одной строчки о хорошо сыгранных мной ролях в книге вы не найдете. Ни одной цитаты из хвалебных рецензий, ни слов поздравлений по поводу удачных репортажей. Кому это нужно?.. Всегда раздражали книги воспоминаний, полные умиления от своих же успехов, написанные с целью выставить себя в выгодном свете. И если где-то, опять-таки из-за точности изложения фактов, это станет неизбежным – постараюсь быть предельно корректным. Великое искусство – не бросаться в глаза. Кому суждено быть замеченным, заметят и без того.

Другое дело – плохо сыгранные роли, неудачные репортажи и передачи. Они толкают на поиск причин просчетов,

ошибок, провалов. Удача, успех слегка размагничивают, а просчеты и провалы – мобилизуют. Они поучительны для самого себя и для других, особенно для молодых. Часто это гарантия роста и движения вперед. Если молодые научатся хотя бы не повторять чужих ошибок, они смогут безболезненно обойти множество коварных подводных рифов, подстерегающих на жизненном пути. А это уже – стоящее дело.

Усевшись за книгу, я преследовал еще одну тайную цель. Долгие годы продолжая оставаться слугой двух господ, я замечал, что есть люди искусства и их поклонники, которых вовсе не интересует спорт, а футбол и подавно. К счастью, их не очень много. И наоборот, знавал спортсменов и заядлых болельщиков, для которых искусство, в частности театр, – настоящая химера. К сожалению, их много. Это всегда расстраивало и даже раздражало. И вот мелькнула мысль: написать книгу в такой форме, чтобы было интересно и тем, и другим. Прочитав книгу, «спортсмены» больше узнают об артистах и искусстве, а «театралы» – о спорте и его героях. Вот, собственно, и объяснение тому, что искусство и спорт в моем опусе постоянно перемежаются.

Для предисловия, пожалуй, достаточно. Один из лучших рассказчиков – А. Дюма-отец предупреждал: «Как бы хорошо ни говорил человек, помните, когда он говорит² слишком много, то в конце концов скажет глупость».

² Смею добавить, пишет. – *Примеч. автора.*

Слуга двух господ

– Алло, я вас слушаю, – отвечаю на ранний телефонный звонок.

– Вас беспокоят с «Мосфильма». Убедительно просим быть в Москве через пару дней. Съемка фильма.

Сообщают коротко, языком телеграмм. Ответа не ждут, как бы зная: на приглашение «Мосфильма» отказа не будет.

– И все-таки, кого я должен играть?

– Котэ Махарадзе...

Долгая пауза. Первое мое приглашение на «Мосфильм» – и надо же! – на роль комментатора Котэ Махарадзе.

Многие годы никто никуда не приглашал. И вдруг звонок за звонком, телеграмма за телеграммой. Москва, Ленинград, Киев, Одесса, Тбилиси, еще раз Москва... Это было похоже на сговор. И на робко-доверительный вопрос: на какую роль? – один и тот же ответ: на роль комментатора Котэ Махарадзе.

– Кому же, как не вам, играть эту роль, пока вы живы, естественно... – успокаивают меня.

Приехали, товарищ артист. Играйте и снимайтесь в роли комментатора, пока еще живы, естественно. А там посмотрим.

Что же получается? Значит, максимум возможностей артиста Махарадзе, более полувека прослужившего в академи-

ческих театрах и сыгравшего более ста ролей, – сниматься в роли комментатора Махарадзе? Неужели ни на что иное я не востребован?

Не верьте кокетствующим артистам, отвечающим на вопрос: мешает ли им популярность? – утвердительно. Что, дескать, некуда скрыться от глаз почитателей. Какой же это артист, которого никто не знает?! Зачем и для кого он трудится тогда всю жизнь в поте лица? Для своих тетюшек и бабушек? Такой демократический вид искусства, как театр, народом созданный и только для него существующий, не может жить без оценки народа, без его признания. Конечно, какую-то часть зрителей могут обольщать лишь жгучие глаза и мощный торс молодого героя или дивные тела юной героини. Но со временем внешние данные актера отходят на второй план и главным критерием оценки, преклонения становится талант, актерский дар. Годы все ставят на свои места. Время удивительно точно умеет делать это.

Но, согласитесь, когда из двух одинаково любимых профессий первой и основной вдруг отводится второстепенная роль и предпочтение отдается второй, начатой как бы по совместительству, – есть над чем поразмыслить и даже взгрустнуть.

Отлично понимаю, что масштабы и рамки актера грузинского драматического театра четко очерчены хотя бы по причине языкового барьера, да и многих других факторов, тогда как те же масштабы почти что безграничны во время спор-

тивных репортажей для населения всей страны и даже людей, живущих далеко за ее пределами. Что в театрах в день спектакля на тебя смотрят несколько сотен человек, а во время репортажа слушают десятки миллионов телезрителей, и, как бы демократичен и любим ни был театр, все-таки круг его поклонников намного уже, нежели круг, да не круг, а целая галактика любителей спорта, в частности футбола.

Конечно, признание зрителем успеха актера, скажем, в роли Гамлета, как бы узок ни был круг поклонников театра, дороже, чем легко достигаемая популярность комментатора или диктора телевидения. В первом случае ты воистину любим, признан, становишься объектом поклонения, в другом же – популярен, и только, если даже плохо или посредственно делаешь свое дело. Ты ведь каждый вечер являешься на квартиры миллионов людей, любезно говоришь им: «Добрый вечер, дорогие друзья!» Не гость, а прямо-таки член семьи. Парадокс, но плохого артиста никто никогда не полюбит, тогда как средней руки комментатор и нерасторопный, застывший в нелепой позе диктор все равно популярны, если даже они не всегда любимы. Его, быть может, знают даже лучше, чем неплохого артиста. Знают – значит, известен, хотя такая популярность довольно-таки печальна.

Не буду кривить душой, после мосфильмовского звонка что-то задело во мне актера. Стало как-то больно на душе, больно за свою древнюю, добрую профессию, за людей, из глубины веков почти в нетронутом виде донесших до нас ис-

кусство театра.

Театр вечен, как древнее изваяние, и каждодневен, как газета. Менялись эпохи, общественные формации, династии, а театр жил, совершенствовался и шагал вперед. Паяцев изби-вали, артистов предавали анафеме, скоморохов вешали, но на их места вставляли новые когорты сакраментальной поро-ды человеческого рода. Гонимые, презираемые, преследуе-мые, они каждый раз гордо вскидывали покрытые вековыми сединами непокорные головы и являлись миру молодыми и красивыми, дерзко шагая «через хребты веков и через голо-вы правительств»...

Сразу после эпохи первобытно-общинного строя люди стали дотошно и кропотливо строить свое жилье, свои очаги. Возможно, неспроста слово «очаг» звучит примерно одина-ково на многих языках. «Очаг» – по-русски, «оджахи» – по-грузински, «оджах» – по-армянски, опять-таки «очаг» – по-турецки... Сначала загородили пещеру глыбой, затем, когда перебрались в хижины, сразу же построили заборы, обвили их колючей изгородью. Дальше – больше. Человек возводит крепости с неприступными стенами, замки, дворцы. Словом, всеми правдами и неправдами методично и изощренно че-ловек воздвигает вокруг себя, вокруг своего дома стены, со-здаст свой очаг, недоступный для непрошенных гостей. Вход посторонним запрещен! Есть только собственная семья и че-тыре стоящие намертво стены.

И вдруг, откуда ни возьмись, налетает дерзкое племя,

неуемная стихия. Это мои древние предки – скоморохи смело разрушают одну из стен, врываются в чужие дома-государства, в чужую жизнь, сметая замкнутость и недоступность.

«Идите, смотрите! Пусть все видят хотя бы через эту сорванную четвертую стену жизнь людей, бытие человека», – как бы провозглашают они. Пусть познание человеческих страстей во всех подробностях поможет людям обогатить свою жизнь. И чем глубже вникать, чем ярче отображать, тем интереснее и поучительнее.

Желание вникнуть в суть человеческого бытия, духовной жизни, желание познать все до самых глубоких пластов, осмысление познанного и пережитого и, наконец, возможность представить на зрительский суд творчески переработанный опыт и познание... Это и есть театр!

В эпохи, когда никому и нигде – ни в обществе сильных мира сего, ни в церкви, ни даже в узком семейном кругу – невозможно было сказать правду, актеры умудрялись первыми возвысить голос против глумления над жизнью. Молчали философы и поэты, молчала печать, и лишь дерзкие и бесстрашные скоморохи, нарушая эту гнетущую тишину, вырывались на естественные театральные подмостки – площади и улицы городов – и несли в народные массы правдивое слово. Вот только так мог театр стать воистину необходимым общественным фактором человеческого бытия, как одна из активных форм общественного мышления.

Прошли столетия. Бурно атаковало кино. Затем в свои электронные тиски зажало чудо XX века – телевидение. И все вотще. Театр находил в себе силы искать новые идеи, новые формы выражения, новую эстетику, возвращал себе украденных кинематографом зрителей, вызволял из домашнего тепла заспанных телефлегматиков.

Отлично понимая уязвимость моего романтического «эссе о театре» и не претендуя на его научную обоснованность, зная предложенные историками глубинные мотивы происхождения театра, помня о церковных песнопениях и литургической драме, народных представлениях и буколично-пасторальных зрелищах, я тем не менее хочу поделиться с читателем собственными выстраданными мыслями о театре, о предпосылках и причинах его зарождения и становления, а также о предназначении и особой значимости актерской профессии, которой я отдал столько времени и сил.

...Как странно устроен человек! Один телефонный звонок по поводу моего приглашения в кино на роль комментатора стал причиной внутреннего бунта, после которого пришлось выдать громкую тираду в защиту артиста. А перечитал только что написанное, и показалось, что этим я невольно оскорбляю уже другую свою профессию.

А чего, собственно, обижается артист Махарадзе, если комментатор Махарадзе популярнее? И коль скоро последний попадет в художественный фильм как реальная личность среди остальных вымышленных – это большая честь, и

извольте сыграть его как следует. Скажите еще спасибо, что, благодаря ему, вас приглашают столько киностудий. Вы проявите себя как актер, авось, и вас заметят. Какое прекрасное слово – «авось»! Сплошная мечта, сплошная надежда.

В данном случае именно так и произошло. Меня начали снимать уже в других ролях, интересных, разнообразных... И без того проводя полжизни в самолетах, я сейчас окончательно могу сменить адрес постоянной прописки – между небом и землей. Так будет точнее.

Чего стоил футбол, скажем, лет сто тому назад, когда даже за самыми важными встречами наблюдали от силы две-три тысячи болельщиков. Смотрели игру, переживали, смеялись, аплодировали и расходились по домам. На завтра в некоторых газетах появлялись коротенькие сообщения об игре, и на этом все заканчивалось. Позднее, даже построив супер-стадионы, такие, скажем, как бразильский «Маракана», футбол смог стать достоянием 202 000 зрителей. Это рекордное число было зафиксировано во время финального матча 1950 года между сборными Бразилии и Уругвая. Конечно же, это огромное число разместившихся на трибунах зрителей, непосредственно наблюдавших за игрой. Огромное, но максимальное – дальше некуда. Прорыв произошел после начала показа телевизионных репортажей со стадионов. Число людей, одновременно наблюдающих за игрой, выросло в сотни, тысячи раз.

Потрясающе! Нет, наверное, другого события из ка-

кой-либо области человеческой деятельности, которое смогло бы вот сейчас, в эту минуту, заставить половину человечества припасть к телеэкранам, затаить дыхание и переживать перипетии зрелища. И все это благодаря «чудо-ящику» – конечной точке деятельности всего сложного телевизионного хозяйства. Телеэкран превратил спорт в объект глобального интереса. А то, что футбол давно уже вышел за рамки только спортивного события, интересного телевизионного зрелища, подтверждают факты. Достаточно привести один пример – сослаться на сообщения из газет в дни XII испанского чемпионата мира, когда на некоторых театрах военных действий появлялись парламентарии с белыми флагами в руках и договаривались о перемирии, прекращении огня на время финального матча с участием сборных Италии и ФРГ. Таких фактов можно привести множество.

Ясно, что всего этого не могло бы быть без телевидения. Благодаря ему и только с его помощью вышел футбол на мировую арену. Хотя почему только мировую, когда за футболом давно уже наблюдают космонавты, находящиеся на орбите? И когда человек шагнет в другие галактики, непременно возьмет с собой и визуальный телевизионный ряд футбольных состязаний, и тогда словосочетание «мировая арена» окажется несколько тесноватым для футбола.

Но есть еще небольшое промежуточное звено, соединяющее стадион и зрителя, без которого контакт между ними невозможен. Это – комментаторы. Что и говорить, хорошие

комментаторы пользуются всенародной любовью. Всей Аргентине известен любимец публики «сеньор Гол» – его иначе и не называют. Испанцы верят каждому слову, каждой мысли телекомментатора Мигеля Вилы, мексиканцы обожают Мигеля Фернандеса. В Польше авторитет Яна Чижевского непререкаем. В Венгрии были Дьердь Сепеши и Януш Сени. Добрый, с хрипотцой, голос Вадима Синявского пленял всех в Советском Союзе. Затем Н. Н. Озеров – премьер советского спортивного репортажа – открыл новую страницу телевизионного стадиона. Как-то Николай Николаевич показал мне различные свои удостоверения. «Почетным членом» чего только он не состоял – почетный пионер, пограничник, железнодорожник, медик, библиотекарь, агроном, мелиоратор и т. д. и т. п. Да всем хотелось считать своим коллегой этого интереснейшего человека. Любовь народа к таким людям бывает просто безмерной. Она не возникает просто так, за здорово живешь. Все это, конечно же, по заслугам. Когда твой труд в эфире превращается в эфемерный, когда телезритель говорит, что лучше выключить звук, нежели слушать этого... болтуна (проявим необходимый в этом случае такт. На деле, конечно, выражения похлеще), тогда, естественно, ни о какой любви к комментатору не может быть и речи. Что же получается? Вместо единомышленника, помощника и друга он превращается в субъект, мешающий восприятию игры. Так вот, чтобы не попасть в категорию таких комментаторов, надо трудиться... как-то не подходят привыч-

ные выражения – «не покладая рук», «в поте лица» и т. п., скорее, с «дьявольским остервенением и самоотдачей». Ведь тебе доверили микрофон, тебя слушают миллионы. Микрофон... Был бы он, положим, у Петра, ему бы покорился мир. Был бы микрофон вмонтирован в мундир Наполеона в его последней битве, он мгновенно сообщил бы верному служаке, но немного ограниченному маршалу Груши, по какой дороге быстрее дойти до Ватерлоо, и, возможно, еще много лет другой бы жизнью жить Европе. А у нас он в руках как обычное, каждодневное орудие производства. Но не надо забывать, что требует он к себе очень внимательного, я бы сказал, трепетного отношения.

Абсолютно убежден, что беседовать с телезрителем имеет право только интересная, с широким диапазоном и большими познаниями личность. Как-то на вопрос журналиста, как я готовлюсь к предстоящему репортажу, я коротко ответил: «Специально никак, а, в общем, всю жизнь». Готовиться к отдельной передаче, собирать материалы и досье необходимо, но это всего лишь косметика, а полная и постоянная готовность, опыт и знание дела приобретаются годами и продолжают всю жизнь.

Близко сошлись в моей жизни, иногда переплетаясь, две профессии. Профессии разные и схожие одновременно. Многие годы я служу этим двум своим господам, всячески стараясь быть верным обоим. С высоты прожитых лет смею утверждать, что эти профессии, в своей основе, непременно

должны нести добро, и это – главное. Иначе ни артист, ни комментатор просто немислимы. К. С. Станиславский даже тем артистам, которые готовили роли хрестоматийных злодеев, скажем Яго, Макбета или Ричарда III, советовал кропотливо искать и, найдя, максимально подчеркивать места, где они добрые. Ведь подчеркивая в роли и неся в жизни добро, всегда четче и ярче оттеняется зло. А показать это или дать почувствовать людям – само по себе добро. Актеров часто спрашивают, как они себя чувствуют в отрицательных ролях. Праздный вопрос, любительский. Великолепно должен чувствовать себя артист, хорошо сыгравший Клавдия, и актриса, полностью раскрывшая сложный характер зловещей Лукреции Борджиа. Чем полнокровнее и глубже, тем лучше. Цель одна – во всей своей многогранности показать и раскрыть природу зла. Ведь и у автора та же цель. Неудовлетворенность может появиться только тогда, когда эта цель не достигнута, когда актер посредственно сыграл роль. Чем ярче показано зло, тем больше оттеняется добро. А поклонники, обожающие артистов, исполняющих роли положительных героев, мысленно приписывающие им все добрые качества созданных образов и, наоборот, ненавидящие исполнителей отрицательных героев, отождествляющих природу и характер артистов с сыгранными ролями, давно отошли в прошлое, но если где и остались, то это, скорее, пережитки вчерашнего дня, а не современная оценка актерского мастерства.

Я актер с головы до пят. С детских розовых мечтаний и по сей день ни разу не пошатнулась моя жизненная позиция в этом вопросе, моя любовь к театру. Но так уж случилось, что по дорогам мира и перекресткам жизни, из страны в страну, через моря и океаны, с континента на континент вел меня спорт, и больше всего футбол. Десятки, сотни раз приходилось мне ездить за тридевять земель для того, чтобы увидеть чудо-спектакль, именуемый футболом, который нигде и никогда не повторяется и финал которого непредсказуем. Европа, Азия, Африка, Южная и Северная Америка – все континенты, кроме далекой Австралии, поочередно предстали перед моими глазами. Я ходил по маленьким улочкам Веймара с растянутыми в разные стороны руками, касаясь пальцами одной руки дома, где родился Гете, а пальцами другой руки – здания, где творил Шиллер. Веймарцы рассказывают: Генриха Манна спросили, не обижает ли его тот факт, что младший брат Томас Манн более известен и признан. Генрих Манн поведал в ответ следующую быль.

Однажды веймарские студенты, накануне изрядно напившись пива, попросили Гете решить их вчерашний спор, едва не окончившийся потасовкой: кто, в конце концов, лучше – он или Шиллер? «Дурачки, – сказал, улыбнувшись, Гете, – стоит ли спорить, если оба таких великолепных парня живут в вашем родном Веймаре?..»

– Таков и мой ответ, – заключил Генрих, один из славных парней семейства Маннов...

Мне посчастливилось вести репортажи из комментаторской кабины мексиканского стадиона «Ацтека», прелестного творения Педро Рамиреса Васкес, и стоять перед единственным уцелевшим в свое время после сокрушительного землетрясения в Токио зданием. Когда великому Корбюзье сообщили, что весь Токио разрушен, тот не задумываясь ответил: «Должно быть, не весь, мой дом должен стоять!» И вправду, единственным уцелевшим оказалось возведенное по чертежам великого мастера здание, известное как «Дом Корбюзье». Я восторгался чудом архитектуры в Барселоне – взметнувшимися к небесам иглами башен «Собора святого семейства» гениального Гауди, и с душевным трепетом созерцал поле битвы в Ватерлоо, где окончательно и бесповоротно был повержен Наполеон. Все отели, кафе, магазины здесь носят имена: Наполеон, Бонапарт, Император, Жозефина – и никаких других имен. Фас и профиль Наполеона на всем: на обеденных, чайных и кофейных сервизах, на бокалах, авторучках, флажках, майках и даже кроссовках. Специально обежал я все магазины, силясь найти хоть один предмет с изображением «пурпурно-серого Веллингтона», как его называли после, главнокомандующего коалиционными войсками, но напрасно – такого сувенира не было.

Чуть позже, побывав на Корсике, проехав через весь остров, от Бастии до Аяччо, к своему удивлению, обнаружил, что на родине Великого Императора сувениров, пожалуй, меньше, чем в Ватерлоо. С интересом разглядывал малень-

кую квадратную металлическую дощечку на полу, в дверях спальни Летиции Бонапарте, где она, не успев вызвать повивальную бабку и даже добежать до постели, родила Наполеона. Корсиканцы начисто отвергают все французское на острове. Гид то и дело подчеркивает, что архитектура здесь итальянская, люстра из венецианского хрусталя, мебель тосканская, что отец Наполеона Карло, а не Шарль, учился в пизанском университете и т. д.

С широко раскрытыми от восторга глазами ходил я по залам Лувра, Эрмитажа, Прадо, Британского музея и Дрезденской картинной галереи, стоял на развалинах Парфенона и Колизея, в храмах Святого Петра в Риме и Айя-Софии в Стамбуле, что в ста метрах напротив неправдоподобно красивой «Голубой мечети». Придирчиво проверял достоверность описаний Виктора Гюго, осматривая Собор Парижской богородицы, где уродливые химеры создают неповторимую красоту архитектурных изгибов и линий, как бы вступая в спор с признанными нормами красоты, в который раз утверждая, что красота по своей природе непорочна...

Ни один экскурсовод, показывая «Башню смерти» в знаменитом Тауэре, не скажет, что именно здесь Ричард III убил своих племянников. То ли оберегая чистоту рода Глоsters, то ли приукрашивая историю, а то и подчеркивая разницу между вымыслом и правдой, гид скажет примерно так: «Это башня, где, как предполагают, Ричард Глостер совершил покушение на племянников». Видите, как осторожно...

Часами бродил я в мастерской Сикейроса, не дыша слушая великого мексиканца. Не до конца веря собственным глазам, вглядывался в фантастические творения древних культур инков, ацтеков и тольтеков и, до предела закинув голову назад, любовался небоскребом «Эмпайр стейт билдинг» в Нью-Йорке.

Чудо готики – Кельнский собор, синагога в Праге, греческие амфитеатры, повисшие в небесах, причудливых форм скалы саксонской Швейцарии, гроты и фьорды Скандинавии, «Санта-Мария» Колумба в Барселоне, «Кон-Тики» Тура Хейердала и легендарный «Фрам» Амундсена в Осло... Памятные фотографии, снятые на Гринвичском меридиане, и семь грамот, удостоверяющих пересечение экватора по суше, по воде и в воздухе, и многое, многое другое... И все это – благодаря футболу. Связанных с театральной деятельностью поездок было всего несколько. Все остальные поездки связаны с футболом.

И разве не грешно после этого актеру Махарадзе быть в обиде на комментатора Махарадзе? Ведь именно в этом, втором качестве мне посчастливилось объездить почти всю планету. Даже на спектаклях различных театров мира – от «Комеди Франсэз» до японского «Кабуки» – я побывал благодаря моей второй, «внеатрактальной» профессии. А видеть по возможности больше и, что главное, встречаться с интересными людьми разных национальностей, возрастов, взглядов, характеров – это ли не мечта любого человека и школа жиз-

ни, так необходимая любому актеру?!

Не мешала ли насыщенная, напряженная работа комментатора артисту академического театра? – часто спрашивали меня. Иногда, скорее кокетничая, отвечал, что, дескать, как бы я ни расхваливал прелести спортивной журналистики, многое, конечно, потеряно по ее милости. Возможно, так и есть, потеряно многое, но разве больше, чем приобретено? Разве чувство импровизации, столь необходимое артисту, можно где-нибудь развивать так, как в репортаже? Разве упражнения по сценической речи, скороговорки и так далее, столь усердно преподаваемые на первых курсах театральных вузов, не находят каждодневный тренинг в работе комментатора?

Можно ли представить вокалиста, вышедшего на сцену без распевки, или балерину, выскочившую танцевать без каждодневных экзерсисов? Тогда почему это позволительно актеру драмы?

Ведь краеугольным камнем «системы Станиславского» является создание рабочей партитуры актерских занятий. «Тренинг и муштра» – так и озаглавлена у него касающаяся этих вопросов часть системы.

Для меня же по линии сценической речи этих проблем не существовало. Я просто обязан был ежедневно «распеваться» у микрофона. Вот какое подспорье у артиста, работающего также и комментатором.

Иногда приходилось в один день сначала вести репортаж,

а затем играть в спектакле. Редко, потому что театр всегда шел мне навстречу. Но в таких случаях я никогда не чувствовал экстремальности ситуации. Приходил или прибегал в театр бодрый, в меру взвинченный и, если можно так выразиться, спортивно приподнятый. Гримировался и выходил на сцену. Усталость наступала после окончания спектакля. Может, кому и покажется, что это было легкомыслие по отношению к театру. Убейте, но мне так не кажется.

Не верю я артистам, с утра зашторивающим в доме окна в день спектакля, наглухо закрывающимся в своих гримборных. Так готовят быка перед корридой. Три дня он сидит в «темнице», не видя света божьего, и выскакивает на арену как сумасшедший, готовый боднуть первого попавшегося. После спектакля такие актеры долго-долго отходят. Думаю, это элементарный наигрыш, игра в серьезность, значительность.

Актера более высокого профессионализма, чем В. И. Качалов, вряд ли помнит история русского театра. Почитайте, как он ответил на вопросы, поставленные ему в «Анкету Государственной академии художественных наук по психологии актерского творчества» в 1924 году.

В о п р о с № 32. Замечали ли вы, что в день спектакля с утра вы преображаетесь в то лицо, которое вечером вы играете?

О т в е т: О нет, никогда. И даже не встречал таких

актеров, которые бы искренне в себе это замечали.³

В о п р о с № 44. Во время антрактов и после спектакля не сохраняете ли вы невольно тон и осанку лица, вами изображаемого?

О т в е т: Никогда.

В о п р о с № 45. После ухода со сцены немедленно ли вы приходите в свое обычное состояние?

О т в е т: Моментально...

В о п р о с № 52. Забываетесь ли вы целиком в роли или отдельных местах роли?

О т в е т: Благодаря присущей всякому актеру способности к раздвоению своего сознания на сцене я никогда не забываюсь и не представляю себе, возможны ли такие даже секунды у актера, если он нормальный, то есть психически здоровый человек. Иногда замечал, некоторые актеры рассказывали, что они забывались, не понимали себя на сцене. Убежден, что они говорили неправду.

Вот ответы великого артиста. Меня – куда ни шло, но Качалова, надеюсь, никто не посмеет заподозрить в легкомысленности. «Они говорили неправду», – ответил он. И был абсолютно прав.

Исходя из всего сказанного, я теперь со спокойной совестью могу утверждать: ни актеру, ни комментатору Махарадзе не мешает «присущая всякому актеру способность к раз-

³ Обратите внимание на мгновенность и категоричность ответа. И на качаловское сомнение по поводу искренности такого поведения. – *Примеч. автора.*

двоению». Хочу пойти дальше – не только не мешает, а напротив, помогает, с детства эгоистично оберегая в себе оба начала...

Все мы родом из детства. Но не все одинаково относятся к этой поре жизни. Один великий говорил, что у него вообще не было детства. Другой пишет: счастливая, счастливая пора... Одни готовы повторить весь пройденный путь без изменений, другие думают все переосмыслить, дабы не повторить ошибок.

Детство мое было счастливым. Даже в периоды разочарования, депрессии и внутренней опустошенности я не мечтал о другом детстве. Не подумайте, что я рос в богатой семье. В нелегкие довоенные годы полного достатка у нас никогда не было. Но все мое детство было полно другими категориями богатства: яркими впечатлениями, желанными встречами, прекрасным кругом друзей, замечательными педагогами. И если бы пришлось начинать все сначала, я с удовольствием повторил бы пройденный путь, еще раз вкусил бы неповторимый аромат детства, прижал бы к сердцу уже давно поседевших приятелей, снова представив их юными и невинными...

Правила игры

Нет, не о правилах футбольной игры пойдет речь в этой главе. Хочется поговорить о правилах более важных, принятых в моей семье, школе, согласованных с друзьями, и, если по Станиславскому, о предлагаемых нам жизнью обстоятельствах. Ведь жизнь человека проходит в основном по этим правилам и именно в существующих конкретных обстоятельствах.

Не мы решали, кем появиться на бренной земле – мальчиком или девочкой, в какой стране родиться, в каком городе, какого цвета кожи, в обществе религиозного фанатизма или в совершенно другой общественно-экономической формации, быть единственными наследниками в семье или расти в окружении братьев и сестер. Все это предопределено природой, жизнью, и мы обязаны, а может, и вынуждены придерживаться этих правил.

Каковы же были предлагаемые обстоятельства и правила игры в моей жизни?

Я грузин, родился в Тбилиси в семье служащих. Отец в молодости был военным, офицером императорской армии, затем экономистом. Мать – педагог, заведующая библиотекой, сестра – танцовщица, заслуженная артистка. Жили мы на площади Руставели в самом центре города – «на Земмеле» – так раньше назывался этот квартал в честь провизора

немецкого происхождения, открывшего здесь аптеку. Значит, школа, где мне предстояло учиться, уже была предопределена – это Первая средняя или, как тогда называлась, Первая опытно-показательная школа. К тому же там работала мама.

На центральной артерии города – проспекте Руставели – сосредоточены лучшие театры и кинотеатры Тбилиси: оперы и балета им. З. Палиашвили, Академический им. Ш. Руставели, русский театр им. А. Грибоедова, грузинский ТЮЗ, театральный институт и хореографическая студия. Здесь же Государственный музей Грузии, Академия наук. Немного вниз по спуску Элбакидзе и за мостом – Академический театр им. К. Марджанишвили. Все это рядом, под боком, в двух шагах – вот и выбирай профессию, намечай свой жизненный путь.

Когда у меня впервые созрело решение написать книгу, тогда и мелькнула мысль поведать о моих родителях подробно и обстоятельно. Позже возникли некоторые сомнения и вот по какому поводу. При всей несхожести биографических очерков и воспоминаний, написанных интересными людьми, жившими и творившими в разных странах, в нашем и предыдущих просвещенных временах, одна общность бросается в глаза, стереотипно повторяясь в абсолютном большинстве книг – благоговейное упоминание родителей, рассказ о них в превосходных степенях. Понятно, о родителях хочется писать только хорошее, но нельзя же терять чувство меры. По-

тому и получаются у всех авторов такие схожие, почти одинаковые распрекрасные родители. Мама у всех, как правило, мягкая, ласковая, умная; возможно, без специального образования, но на редкость начитанная. Отцы, в основном, внешне строгие, но очень добрые, всегда справедливые и объективные; мало говорят, но если что скажут – заслушаешься. Если один из родителей отсутствует, всеми этими качествами наделен второй. Это всегда раздражало, даже при чтении воспоминаний умных, всеми признанных людей. В молодости мы ехидно шутили на эту тему: хорошо, мол, что дети, скажем, убийц, насильников, палачей не издают биографических очерков о своей жизни, не то и они умудрились бы найти черты мягкости, справедливости и добросердечности в характере своих свирепых и беспощадных отцов.

Все это так, тем не менее я не побоюсь показаться неоригинальным и не обойду молчанием своих родителей, в особенности маму. Соблюдая объективность, насколько это в моих силах, и чувство меры, я расскажу о людях, даровавших мне жизнь, расскажу в этой главе, ибо все мое детство, отрочество и юность прошли по правилам игры, определенным и в некоторых случаях прямо продиктованным ими.

Мои предки были людьми далекими от искусства, если не считать дедушку со стороны матери. Не подумайте, что он играл на сцене, занимался режиссурой, музицировал или с мольбертом в руках стоял перед холстом. Он был священником. А между священнослужением и сценическим действием,

согласитесь, есть нечто общее. Во всяком случае, внешне – в манерах, в умении говорить с пафосом. Дед был на редкость артистичен, обаятелен и всегда был настроен на мажорный лад. Вот и все мои генетические точки соприкосновения с искусством.

В одном из интервью на вопрос, когда и как созрело во мне решение стать артистом, я ответил: «За меня все решила мама». Так оно и было. Уже в семилетнем возрасте (что я мог тогда решать самостоятельно?!) вместе с сестрой был определен в хореографическую студию при оперном театре. Через семь лет мы окончили студию. Сейчас, задним числом, вспоминая все кружки, студии, училища, куда нас с удивительной последовательностью и рвением водила мама, хорошо понимаю их важность. Правила игры, предложенные мамой, были строги и насыщены. Они благодарным эхом отдавались на моем жизненном пути. Пригодилось все: пластичность, приобретенная в хореографической студии, и навыки актерского мастерства, знание математики и астрономии, полученное на занятиях в кружках Дворца пионеров, и страстная увлеченность книгами.

Моя мать, Варвара Антоновна, была заведующей библиотекой тбилисской Первой средней школы. Это книгохранилище не являлось школьной библиотекой в обычном значении этого слова. Библиотека собиралась в течение многих десятилетий и перешла школе по наследству от Первой классической мужской гимназии. На ее стеллажах и полках по-

коились новые и старые издания шедевров мировой литературы. На книгах этой библиотеки в разные времена воспитывались и расширяли горизонты познаний многие выдающиеся сыны грузинского народа. Судите сами: Николоз Бараташвили, Григол Орбелиани, Илья Чавчавадзе, Важа Пшавела, Якоб Гогебашвили, Соломон Додашвили, Александр Казбеги, В. И. Немирович-Данченко, А. Сумбаташвили-Южин, Котэ Марджанишвили, Васо Абашидзе, Иванэ Джавахишвили и многие другие. Когда с благоговением смотришь на мемориальную доску перед учительской, невольно возникает мысль: кто же из известных деятелей грузинской литературы, науки и культуры XIX и начала XX века остался вне этого списка, стало быть, вне первой мужской гимназии?

Двери библиотеки были открыты для всех. Педагоги, учащиеся, а также уборщицы и сторожа часами засиживались в ней. В дни моей учебы произошел такой случай. Для проверки учебной работы в школе из Москвы прибыла специальная комиссия. Из-за сжатых сроков командировки члены комиссии без предупреждения прямо направились в школу. У входа их встретил сторож Арчил Арчвадзе. Он традиционно восседал перед школой на стуле с лежащей на коленях книгой. Узнав о цели визита московских гостей, дядя Арчил добродушно улыбнулся и сказал:

– Милости просим, проверяйте. Останетесь довольны.

Один из членов комиссии, ненароком взглянув на раскрытую на коленях дяди Арчила книгу, спросил:

– Что вы читаете?

– «Одиссею», – прозвучало в ответ.

Члены комиссии многозначительно переглянулись, а один из них сказал:

– Стоит ли ревизовать школу, где сторож читает Гомера...

И комиссия ретировалась. Возможно, столь скорый уход проверяющих – домысел романтически настроенных школьников, но все остальное – правда.

Такой была Первая опытно-показательная школа. Мне посчастливилось, что годы моей учебы прошли именно в этой школе. Нет, не посчастливилось, а таковыми были правила игры, предложенные мамой, предопределенные ею.

В те времена бытовала такая шутка: Первая средняя – это школа искусства и спорта с легким общеобразовательным уклоном. В этой шутке, как и во многих других, была определенная доля... шутки, в основном же она глаголила истину. Ведь и грузинский театр, и спорт начинались в стенах этого здания.

Датой рождения возобновленного грузинского театра считается 1850 год. В январе этого года гимназисты Первой тбилисской мужской гимназии дали первое представление – сыграли две пьесы выпускника этой же гимназии Георгия Эристави. Именно с этого представления начинается история нового грузинского театра, а за молодым автором закрепилось прозвище «грузинский Мольер».

И первое грузинское спортивное общество «Шеварде-

ни» («Сокол») также было создано в стенах Первой гимназии, где в небольшом спортивном зале «шеварденисты» организовали свой первый гимнастический кружок.

Искусство, спорт процветали в Первой школе и в годы моей учебы, и позже. Это был настоящий «ренессанс» локального характера. Знаменитые оперные певцы Зураб Анджапаридзе, Нодар Андгуладзе, Тамара Тактакишвили, Тенгиз Мушкудиани, известные режиссеры Гига Лордкипанидзе, Темур Чхеидзе, братья Эльдар и Георгий Шенгелая, актеры драматического театра Елена Кипшидзе, Бадри Кобахидзе, Лео Антадзе, Мераб Табукашвили, звезда грузинской эстрады Лили Гегелия, композитор Отар Гордели – вот таков навскидку неполный перечень тех, кого дала наша школа грузинскому искусству.

В том самом историческом спортивном зале школы мы до потери сознания гоняли мяч и занимались на гимнастических снарядах. Ведал всем этим спортивным хозяйством всеобщий кумир, объект нашего поголовного обожания Арчил Бакрадзе, прозванный «отцом гимнастики». Он был одним из первых заслуженных мастеров спорта СССР у нас в стране и одним из основоположников гимнастической школы республики. Это его воспитанник Гуло Рцхиладзе стал первым трехкратным абсолютным чемпионом Советского Союза.

Дядя Арчил был приверженцем спартанского метода воспитания и тренировок. Он был прямо-таки беспощаден к

своим ученикам, заставляя до седьмого пота заниматься на снарядах. Высокий, красивый, поджарый, сам в прошлом первоклассный гимнаст, он обладал удивительным даром убеждения и особым чутьем на талантливых ребят. Как-то, придя к заключению, что одаренный школьник, гимнаст-перворазрядник Давид Цимакуридзе обладает недюжинной силой и талантом борца, он буквально содрал с перекладины заартачившегося ученика и силой заставил его пойти в борцовскую секцию. Чутье не подвело педагога и на этот раз – через несколько лет Давид Цимакуридзе стал первым в Союзе олимпийским чемпионом среди борцов вольного стиля, не оставив на олимпийском ковре в Хельсинки никаких шансов своим соперникам. Кстати, там же, в Хельсинки, прославилась и другая воспитанница Арчила Бакрадзе – гимнастка Медея Джугели, также украсившая грудь золотой олимпийской медалью.

В общем, спортзал нашей школы стал настоящей кузницей чемпионов. Победителями союзных первенств по гимнастике в разные годы становились заслуженные мастера спорта Г. Бабилодзе, Ал. Джорджадзе, Н. Такаишвили, Т. Санеблидзе.

Но не только гимнастами была прославлена наша школа. Не оплошали и мы, юные баскетболисты. Три года не было нам равных на баскетбольных площадках среди сборных команд тбилисских школ. Позже, когда под названием «Смена» была создана юношеская сборная команда Грузии, она

в основном была укомплектована ребятами из нашей команды, которые и удостоили меня чести стать их капитаном.

Наверное, немногие помнят, что первая детская спортивная школа в Советском Союзе была создана в Тбилиси. Инициатором и организатором этого дела был опять-таки Арчил Бакрадзе, и создана она была на базе Первой средней школы.

Приведенные факты достижений выпускников Первой школы в области искусства и спорта – более чем достаточная иллюстрация верности первой части упомянутой выше шутки, но читатель вправе спросить: «Как же обстояли дела со второй ее половиной, где говорится о “легком общеобразовательном уклоне”?»

В ответ буду сух и краток, ибо сухие и точные цифры часто действуют неотразимо. В годы моей учебы школу закончили 13 будущих академиков, 37 профессоров, докторов наук и свыше семидесяти будущих доцентов, кандидатов наук. Как видите, не таким уж «легким» был «общеобразовательный уклон» нашего учебного заведения. За немалый срок (в 2003 году школе исполняется 200 лет) она дала родине ученых, писателей, композиторов, художников, артистов, спортсменов такого высокого ранга и в таком количестве, что не только формально, по принципу нумерации, но и по значению, по своим заслугам называлась и будет называться – Первой.

Кентавр Хаиндрава

Вспоминая детские годы, не перестаю удивляться, почему это все гоняли мяч, состязаясь в ловкости, силе и точности ударов, поголовно всех обуял футбол, а я... бегал. Чаше один, реже со своими сверстниками, а иногда с удовольствием соревнуясь с более взрослыми. Все играли в футбол, а я бегал и бегал как ошалелый. Что это было? Потенциальный дар будущего спринтера или стайера? А может, проявление врожденного индивидуализма?

– Хаиндрава, Хаиндрава... – неслоь вдогонку.

Хаиндрава – это я. Сам окрестил себя, взяв в прозвище фамилию известного в то время жокея Алеши Хаиндрава. Все сверстники разом подхватили это прозвище. Подхватили просто так, по мальчишескому стадному чувству.

Маршрут наших забегов, скачек наперегонки давно обозначен. Надо пробежать тихую Коргановскую (сейчас улица Киачели), обогнуть храм XVII века, знаменитый «Синий монастырь», затем – прямая Перовской улицы и, наконец, финиш на стыке этих двух улочек. Один бежал справа налево, другой слева направо, по кругу, финишировали на месте старта. Прямо как на крупных соревнованиях. Сегодня это насыщенные автомобильным движением улицы, тогда же все утопало в зелени, весь квартал был тихим и сонным.

Я постоянно выигрывал эти состязания. И вдруг одна-

жды меня опередили в забеге. Помню, еле сдерживая слезы, потребовал перебежку, но опять проиграл. Мой авторитет пошатнулся, и я считал себя обязанным восстановить его. Лишь на следующий день под вечер уговорил своих обидчиков сразиться еще раз. Увы, я проиграл и этот забег. Это было окончательным фиаско.

Весь в слезах, я все рассказал маме. Она улыбалась, успокаивала, но я никак не мог смириться с тем, что ребята, которых я всегда обгонял, так просто взяли да и оставили меня позади. Я чуть не заболел. Только через несколько дней узнал о причине неожиданного улучшения «спортивных» показателей моих соперников. Оказывается, мальчишки обнаружили у последнего поворота проходной двор, каких много в Тбилиси, быстро проскакивали через него и, сократив таким образом дистанцию метров на сто, легко обгоняли меня.

Так я уже в детстве узнал, что и в спорте бывают нечестные пути к победе. К сожалению, впоследствии я не раз убеждался в этом...

Вернемся, однако, к Хаиндрава. Бледнолицый, стройный красавец, говорили, что он первым из советских наездников выиграл знаменитые скачки в английском городе Дербби. Когда он, в ярко-оранжевой сорочке со свисающими широкими рукавами, в белом, плотно облегающем мышцы длинных ног галифе и легких черных сапожках, появлялся во время «проездки» на арене ипподрома, гордо вскинув голову, а под ним – весь нетерпенье – гарцевал гнедой Шавгул или

иссиня-черный Шамиль, зрители восторженно вскакивали со своих мест. Как рассказывала позже мама, в эти мгновения я находился в состоянии, близком к экстазу. Ничего более красивого, величественного я не мог себе представить. Не помню, проигрывал когда-нибудь скачку Хаиндрава или нет. Должно быть, проигрывал. Но мне запомнились только его победы. Победы яркие, впечатляющие. Когда лошади выходили на последнюю прямую, его почти никогда не было среди первых. Он всегда был в гуще догоняющих. Начался затяжной спурт. Тут любимец публики окончательно «добивал» своих поклонников. На этом решающем отрезке жокеи, как правило, вскидывали хлысты, привставая, всем телом наседали на своих скакунов, погоняя их поводьями, окриком, подталкивая коленями. Так происходит и сейчас, в наши дни. Но хлыст – и Хаиндрава? Такого не помнит никто. У него никогда не было хлыста в руках. Он и в мыслях не допускал такого оскорбления своего друга-скакуна. В эти мгновенья все наездники максимально напрягались, всего себя отдавая борьбе. Хаиндрава же, наоборот, расслаблялся. Полностью доверяя четвероногому другу, он как бы сливался с ним в единое целое и, промчавшись вихрем, первым пересекал линию финиша. Выиграть скачки – спортивный успех. Сделать это красиво – уже искусство.

Хаиндрава так и остался в моей жизни чем-то не до конца реальным, неосязаемым. Мне не довелось познакомиться с ним. Может, так оно и лучше. Не знаю, какое место занима-

ет он в истории нашего конного спорта, но для меня он был идеалом всего. Кумир отрочества, одухотворенный и недо-ступный.

Я старался во всем ему подражать: ходить, как Хаиндрава, бегать, как его Шамиль. Даже его умение держать голову высоко вскинутой в точности копировалось мной, как и его таинственный посвист перед самым финишем. Может, он и вправду свистел, а может, мне это только казалось, — не знаю. Но я свистел и свистел по-хаиндравски. Пусть все остальные глупые создания гоняют мяч — я же буду бегать и побеждать, как Хаиндрава. Когда родители показали мне какой-то журнал с фотографией моего кумира, выигравшего английское дерби, у меня словно крылья выросли. В тот день меня долго искали и нашли в полночь где-то далеко от дома. Я бегал весь вечер, бегал без усталости, раз за разом выигрывая все дерби на всех близлежащих улочках и проездах нашего квартала. А когда все соперники оказались биты, побежал в другой дальний квартал...

Когда я в школе начал изучать древнегреческую мифологию и впервые узнал о кентавре, мгновенно мелькнула мысль — Хаиндрава. Человек и конь в одном существе. Не знаю, есть ли в природе животное, прелестнее лошади, благороднее и умнее? Даже самый норовистый, непокорный конь — друг и верный соратник человека. Сотни, тысячи строк стихов и прозы посвящены этому прекрасному созданию природы. Из глубины веков протоптал к нам путь Росинант, вер-

ный друг «рыцаря печального образа», и бог весть, сколько ему еще шагать в далекие дали будущего. Шедевр грузинской поэзии – «Мерани» («Пегас») Николоза Бараташвили – вершина поэтической метафоры, отождествляющей крылатый бег Пегаса с быстротечностью времени в бесконечном пространстве и эфемерностью человеческого бытия.

Этаким крылатым Пегасом промелькнул Хаиндрава, словно в сновидении, в моих мальчишеских годах. Впоследствии я узнал, что Алеша Хаиндрава, как и многие наши выдающиеся спортсмены, храбро сражался на войне, потерял там руку и, вернувшись с фронта домой, начал работать в родном селе. С карьерой наездника, естественно, было покончено навсегда. Никто и никогда больше не увидит его на скачках, не насладится горделивой посадкой. Не вскинет он больше в момент победного финиша обе руки... Но судьба распорядилась еще более жестоко. Этот гордый кентавр Хаиндрава, возвращаясь вечером после работы в поле домой, естественно, верхом, в самой безобидной ситуации, идя шагом, упал с лошади и мгновенно скончался. Какой одновременно ужасный и прозаический конец! Судьба уберегла человека от пуль и оружейных снарядов. Он выстоял, выжил на фронте, а в мирное время в ста метрах от своего дома был выбит из седла собственной лошадью и свалился замертво. Его не стало – ушел в небытие, растворился. Случилось это позже, когда властителем моих дум, моим кумиром был уже другой человек, другой спортсмен.

...Мне шел десятый год. Я, конечно, знал, что существуют другие виды спорта. Есть футбол. Ведь гоняют ребята мяч без устали во дворе. Отец водил меня на стадион еще в дошкольном возрасте. Матчи не производили должного впечатления, возможно, я был слишком мал для восприятия футбола в целом. Во всяком случае, он не запомнился никак. Разве что 5–6 рядов скамеек впереди нас, заполненных зрителями, вскакивающими и кричащими одновременно, и еще яркими цветами красных, зеленых, голубых маек футболистов, – вот и все. Остальное начисто стерто в памяти. Сажу за учебниками. В другой комнате отец с матерью о чем-то спорят. Голоса, вначале приглушенные, теперь слышны все отчетливее. Родители никак не договорятся. И вдруг, боже мой, что я слышу из уст матери:

– Мальчику скоро десять, и ничего, кроме этих дурацких скачек, он не видел!... Нужно сводить его на стадион.

– Да водил я его, и не раз, – оправдывается отец. – Футбол ему не интересен.

– Надо повести его на Пайчадзе, – уверенно заключает мама. – Я сама это сделаю.

Все как всегда. Последнее слово остается за мамой – женщиной волевой, энергичной. Меня же накрывает большая волна противоречивых мыслей и чувств. Вопросов больше, чем ответов. Почему мои любимые скачки мама назвала дурацкими? Как я могу променять святое место регулярного паломничества – ипподром – на какой-то стадион? И кто та-

кой этот Пайчадзе?

«Пайчадзе галиса...»

Не надо спешить к телефону. Ни один знакомый вам грузин не скажет, что означает слово «галиса». Он, скорее всего, растеряется и будет клясться, что в грузинском словаре такого слова нет. Зато каждый грузин знает, кто такой Пайчадзе, а если он еще неравнодушен к футболу, то непременно начнет убеждать вас, что подобного футболиста не помнит земля, что Борис Пайчадзе – Карузо футбола, как прозвали его в Европе, что в составе тбилисских динамовцев во все времена он был и остается лучшим футболистом. Кстати, недавнее подведение спортивных итогов Грузии XX века дало именно такой результат: Пайчадзе был назван футболистом № 1 прошлого столетия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.